

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.046
УДК 351.755:39(=411.16) +
+ 94(476.7)“1941” + 314.02

Е. С. Розенблат
Брестский государственный университет
им. А. С. Пушкина
Брест, Беларусь

ПРОТОКОЛЫ ПАСПОРТИЗАЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК СТАТИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БРЕСТСКОГО ГЕТТО

В статье раскрывается значение использования массовых источников периода немецко-фашистской оккупации для получения данных о социально-демографической структуре еврейского населения г. Бреста накануне Великой Отечественной войны и в период существования брестского гетто. Подобный статистический источник по истории Холокоста достаточно редок, так как документация гетто в архивах бывших союзных республик СССР не сохранилась. В центре исследования — протоколы паспортизации еврейского населения, составленные в конце 1941 г. Количественные методы, примененные для обработки информации, заключенной в документах, взятых по принципу случайной выборки, позволяют получить репрезентативные данные о профессиональной структуре еврейского населения, половозрастном составе, соотношении квалифицированных и неквалифицированных кадров в среде евреев г. Бреста, культурно-языковой ориентации еврейского населения, его пространственном размещении на территории города. Материалы статьи основаны на обработке 12 тысяч протоколов паспортизации и 5 тысяч записей, касающихся детей, оказавшихся в гетто. Протоколы паспортизации жителей гетто г. Бреста позволяют дополнить материалы по демографии евреев Западной Беларуси первой четверти XX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: массовый источник; протоколы паспортизации; статистика; случайная выборка; количественные методы; репрезентативность; демографические показатели; профессиональная структура; культурно-языковая ориентация; половозрастные признаки; гетто.

Благодаря использованию статистических источников и полученных с их помощью результатов историческое исследование приобретает четкие контуры, наглядность и обоснованность. Анализ данных о численности и составе населения помогает глубже понять события прошлого, осознать причины, масштабы и последствия тех или иных исторических явлений.

Недостаток подобных сведений относительно населения Западной Беларуси накануне Великой Отечественной войны затрудняет изучение ряда проблем по истории республики. Советская перепись 1926 г. не коснулась западных областей Белоруссии, входивших в состав Польши (1921–1939). В 1939 г. они стали частью СССР, в том же году проводилась очередная перепись, но ее материалы не были полностью разработаны и опубликованы, так что выяснить с их помощью

численность и состав населения Западной Белоруссии не представляется возможным. Польские власти в свое время вели учет населения «кресов восточных» («восточных окраин»), но нигде не зафиксированы изменения, произошедшие в крае в 1939–1941 гг. Потом была война, потери на фронтах и в оккупации... Следующая перепись в Советском Союзе состоялась в 1959 г. Некоторые историки предпринимая попытки с помощью различных источников определить численность населения советских республик накануне Великой Отечественной войны и уточнить количество погибших в годы немецкой оккупации (особенно непросто это сделать в отношении жертв Холокоста) [см. подробнее: Altshuler; Eberhardt; Hilberg; Nove, Newth; Куповецкий]. Важно заполнить, если не полностью, то хотя бы частично, пробелы в демографической статистике народонаселения советских республик в довоенный период [Розенблат, Еленская].

Решить поставленную задачу может помочь внутренняя документация оккупационных властей: материалы учета и регистрации населения (данные о прибытии и убытии, статистические сведения о трудоспособности, занятости, профессиональном составе населения, удостоверения личности, акты смерти), списки рабочих, ремесленников, специалистов, жильцов отдельных домов и целых кварталов. В 1941 г. городские и районные управы проводили регистрацию населения и выдачу удостоверений личности. С этой целью заполнялись специальные бланки, где сообщались основные сведения о каждом местном жителе. Еврейское население регистрировалось отдельно, евреи получали удостоверение личности с особой отметкой «Jude». Подобные документы способствуют восстановлению некоторых «белых пятен» как довоенной истории, так и периода оккупации. К сожалению, данные источники сохранились фрагментарно.

В Государственном архиве Брестской области хранится уникальный комплекс — массовый источник, значение которого трудно переоценить: протоколы паспортизации еврейского населения оккупированного г. Бреста, датированные ноябрем-декабром 1941 г. Их обработка позволяет выяснить социальную структуру еврейского населения города, его деление по профессиональным, половозрастным и другим демографическим признакам. Эти, не имеющие аналогов по степени сохранности, материалы вызвали неоднозначную реакцию среди исследователей. В книге В. Левина и Д. Мельцера «Черная книга с красными страницами: трагедия и героизм евреев Белоруссии», изданной в 1996 г. в Балтиморе (США) на русском языке, утверждается, что данные материалы были составлены органами НКВД в ходе подготовки депортации брестских евреев. Однако подлинность протоколов паспортизации еврейского населения подтверждают другие делопроизводственные материалы брестского магистрата, в частности, документы на заказ бланков протоколов в брестской типографии. Поэтому происхождение этого источника не вызывает сомнения у авторитетных исследователей Холокоста [Альтман].

Работу с источником упрощают следующие условия:

1. Все протоколы сконцентрированы в одном фонде, пронумерованы и хранятся, за некоторым исключением, в алфавитном порядке. Всего в Государственном

архиве Брестской области хранится около 12 тысяч протоколов паспортизации евреев г. Бреста.

2. Практически 100 %-ная количественная и качественная сохранность источника.

3. Наличие формуляра, т. е. структурированного и изложенного в определенном порядке содержания. Стандартность заполнения протоколов, точность вопросов, краткость и полнота ответов позволяют систематизировать данные и группировать их в соответствии с целями исследования для дальнейшей математической обработки.

Следует отметить высокую степень достоверности источника — сведения, указанные в протоколе, были записаны на основании предоставленных протоколируемым лицом документов (советского паспорта или документов, удостоверяющих личность, польского периода) либо на основании показаний не менее двух свидетелей, несущих ответственность за сообщаемые сведения.

Паспортизацией были охвачены не только постоянные жители г. Бреста, но и временно проживающие в городе лица. Дети до 14 лет вписывались в протоколы паспортизации одного из родителей или законных опекунов.

К трудностям в работе с источником относится отсутствие какой-либо сопутствующей документации (инструкций о способах и принципах сбора получаемых сведений). Поэтому некоторые моменты остаются пока невыясненными, например, чем руководствовались в выборе родителя, на чье имя записывались дети: большинство вписаны в протокол матери, примерно $\frac{1}{4}$ — отца. Можно высказать предположение, что в протокол матери вписывались дети в случае, если отца не было в живых. Встречаются неполностью заполненные бланки, однако в общей массе документов отсутствие ответов на некоторые вопросы не имеет решающего значения.

Протокол паспортизации представляет собой бланк образца польского периода (1921–1939), заполненный, как правило, на польском языке. Развернутый перечень вопросов уточняет фамилию, имя опрашиваемого, имена его родителей, пол, год и место рождения, род занятий, вероисповедание. Кроме ответов на вопросы, протокол содержит фотографию, отпечаток пальца и личную подпись протоколируемого. Особые пометки указывают на то, являлся ли протоколируемый постоянным или временным жителем города, имена и год рождения его детей, а также на заполнение протокола в больнице или доме престарелых. Кроме того, протокол содержит стандартное заявление с просьбой выдать новый паспорт.

Для выведения необходимых результатов исследования в зависимости от поставленных задач нужным образом комбинируются следующие параметры: 1) пол; 2) возраст; 3) профессия; 4) место рождения; 5) грамотность; 6) постоянное или временное проживание в г. Бресте; 7) адрес.

Данная публикация основана на обработке 8 778 протоколов [ГАБО, ф. 201, оп. 1, д. 21, 41–62, 132–157, 160–286, 288–230, 440–445, 467], в которых нашли отражение сведения о 11 529 человеках, в том числе 3 233 детях в возрасте до 15 лет. Для обеспечения репрезентативности результатов были использованы разработанные в социологии методики организации случайной выборки.

Итак, обратимся к данным, которые характеризуют еврейское население Бреста по профессиональному составу. В ходе оформления протоколов паспортизации было получено около 170 вариантов ответа на вопрос о роде занятий. Для удобства использования они были сгруппированы следующим образом:

- строительные специальности: каменщики, бетонщики, стекольщики, строители и т. д.;
- деревообработка: плотники, столяры, колесники и т. д.;
- металлообработка: кузнецы, жестянщики, слесари, ювелиры и т. д.;
- кожевенные специальности: сапожники, заготовщики, шорники и т. д.;
- пошив изделий: портные, белешвейки, кружевницы, вязальщицы и т. д.;
- рабочие специальности: механики, наборщики, рабочие (вероятно, так записывались как квалифицированные, так и неквалифицированные рабочие) и т. д.;
- работники сферы услуг: парикмахеры, продавцы, фотографы, пекари и т. д.;
- служащие: врачи, учителя, инженеры, воспитатели и т. д.;
- занятые в сельском хозяйстве (т. е. живущие с приусадебных участков);
- ученики;
- без специальности (в эту категорию отнесены такие ответы, как «домохозяйка», «при муже», «при детях», «при родителях»);
- без работы (возможно, эта формулировка означала отсутствие специальности).

Предлагаемая таблица передает профессиональную структуру еврейского населения г. Бреста на конец 1941 г. (по данным на 8 052 человека) (табл. 1):

Таблица 1

*Профессиональный состав еврейского населения г. Бреста
по материалам паспортизации 1941 г.*

Профессия	Количество специалистов		
	Мужчины	Женщины	Всего
Строительные специальности	163	—	163
Деревообработка	189	—	189
Металлообработка	138	6	144
Кожевенные специальности	180	9	189
Пошив изделий	156	864	1 020
Рабочие специальности	587	518	1 105
Сфера услуг населению	208	175	383
Служащие	158	222	380
Занятые в сельском хозяйстве	53	11	64
Ученики/цы	142	311	453
Без специальности	215	3 631	3846
Без работы	20	96	116
ВСЕГО	2 209	5 843	8 052

Следует оговорить следующую важную особенность: цифровые показатели отражают ситуацию преобладания взрослого женского населения над мужским (после первых акций уничтожения еврейского населения): мужчины составляли около 27 % всего еврейского населения, количество женщин более чем в 2 раза превышало численность мужчин.

Анализ протоколов показал, что по профессиональному составу еврейское население имело следующую структуру: 21 % населения занимались ремеслом, 30 % имели рабочие специальности, 10 % были заняты в сфере услуг, 10 % являлись служащими, менее 2 % жили за счет собственных приусадебных участков, а 54,8 % еврейского населения не имели собственных источников дохода (категории «без специальности», «без работы» и «ученики»). При этом наблюдается значительная разница в профессиональном составе женского и мужского населения. Так, среди мужского населения ремесленники составляли 37,3 %, рабочие — 26,5 %, работники сферы услуг — 9,4 %, служащие — 7,1 %, занятые в сельском хозяйстве — 2,3 %, ученики — 6,4 %, не имели специальности — 9,7 %, безработными являлись менее 1 % мужчин-евреев. Среди женского населения ситуация выглядела следующим образом: 15 % работали по ремесленным специальностям, 8,8 % — по рабочим специальностям, 2,9 % были заняты в сфере услуг, 3,7 % являлись служащими, 0,1 % были заняты в сельском хозяйстве, 5,3 % являлись ученицами, 62,1 % не имели специальности и 1,6 % были безработными. Таким образом, в некоторых сферах деятельности наблюдается очевидное преобладание женщин или мужчин. Особенно большая диспропорция отмечается среди людей, не имеющих специальности: в этой категории женщины составляли 94,4 %, т. е. подавляющее большинство. Доля мужчин в группе ремесленных строительных, деревообрабатывающих, металлообрабатывающих и кожевенных специальностей составляла 97,8 %, в то же время женщины составляли 84,8 % среди специальностей группы пошива изделий. В сфере услуг, среди рабочих и служащих соотношение мужчин и женщин было примерно равным.

Обратимся к детальному рассмотрению соотношения между имеющими и не имеющими специальность с учетом половозрастных признаков (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о наличии специальности у еврейского населения г. Бреста по материалам паспортизации 1941 г.

Категория	Возраст							
	18–25 лет		25–45 лет		45–65 лет		Старше 65	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Имеющие специ-альность	164	496	586	1 046	553	177	177	21
Не имеющие специ-альности	6	312	13	1 645	43	1 255	113	409
ВСЕГО	170	808	599	2 691	596	1 432	290	430

Таким образом, среди женщин удельный вес не имеющих специальности составлял около 65 %, среди мужчин — около 10 %. Учет половозрастных признаков выявляет ряд закономерностей: в целом старшее поколение (люди старше 65 лет) дает максимально высокие показатели среди людей, не имеющих специальности, — 72,5 %. Даже среди мужчин, которые традиционно являлись главными кормильцами в семье, доля не имеющих специальности среди людей преклонного возраста была значительной — 38 % (среди женщин этой возрастной категории специальности не имели 95 %). Наоборот, среди молодежи (18–25 лет) и людей среднего возраста (25–45 лет) наблюдается наиболее высокий процент людей, имеющих профессиональную подготовку, — соответственно 67,4 % и 49,6 %. Интересно отметить возрастание доли имеющих специальность лиц среди женщин различных возрастных категорий: в группе женщин в возрасте от 45 до 65 лет имеющие специальность составляли 12,3 %, в возрастной группе от 25 до 45 лет — 38,8 % и среди 18–25-летних — 61,3 %. Среди мужчин ситуация выглядит таким образом: среди 45–65-летних — 92,7 % рабочих и специалистов, среди 25–45-летних — 98 %, среди 18–25-летних — 96,5 %.

Протоколы паспортизации еврейского населения г. Бреста дают уникальную возможность судить о его грамотности и культурно-языковой ориентации на основании личных подписей протоколируемых, сделанных на польском, русском либо еврейском (идиш или иврит) языках. Некоторые подписи сделаны на смеси польского и русского языков, но их число не меняет общей картины. В случае неграмотности протоколируемого, это отмечалось служащим, заполнявшим бланк. На основании личных подписей 7 651 человека была составлена следующая таблица (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о грамотности и культурно-языковой ориентации еврейского населения г. Бреста по материалам паспортизации 1941 г.

Язык подписи	Возраст							
	18–25 лет		25–45 лет		45–65 лет		Старше 65	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Польский	503	1 286	520	1 822	347	323	104	49
Русский	58	72	47	343	182	312	99	63
Еврейский (идиш или иврит)	5	3	18	113	26	138	29	41
Неграмотные	13	18	26	296	62	426	71	236
ВСЕГО	579	1 379	611	2 574	617	1 199	303	389

До 1917 г. территория Западной Белоруссии входила в состав Российской империи, с 1921 по 1939 гг. — в состав Польского государства, с 1939 г. она

вошла в состав БССР. Сообразно периоду, на который приходились школьные годы жителей западнобелорусских областей, проявилось их владение русским или польским языками. Личная подпись — свидетельство не просто владения навыками устной и письменной речи, т. е. знания определенного языка, в ситуации поликультуры собственные имя и фамилия прописью — это своего рода самоидентификация человека, показатель его принадлежности к той или иной культурной общности. То, что подписи на еврейском языке поставило менее 5 % паспортизируемых, говорит о сравнительно высоком уровне ассимиляции, во всяком случае, в среде грамотных людей. Подписи на польском языке в целом составляют 76,1 %, на русском — 18 % (в основном, среди людей старшего поколения).

Анализ данных показывает, что около 15 % еврейского населения являлось неграмотным. Проявляется прямая зависимость грамотности от возраста протоколируемого: каждая последующая возрастная группа содержит больший удельный вес неграмотных, чем предыдущая, как среди мужчин, так и среди женщин. Любопытна тенденция к увеличению диспропорции в соотношении грамотных между мужским и женским населением: в среде 25–45-летних эта разница довольно заметна — 4,2 % неграмотных у мужчин и 11,5 % у женщин, в возрастной группе 45–65-летних она еще больше увеличивается — 10 % у мужчин и 35 % у женщин. Наибольшее число неграмотных, а вместе с тем и максимальный разрыв, наблюдается среди людей старше 65 лет: 23 % у мужчин и 60 % у женщин. Как видим, общий уровень грамотности среди мужчин, безусловно, выше, но очевидно и возрастание уровня грамотности среди женщин, так, в группе 15–25-летних неграмотные составляют 2 % у мужчин и 1,3 % у женщин.

Дальнейшая работа с протоколами паспортизации выявила, что $\frac{3}{4}$ жителей г. Бреста еврейской национальности были уроженцами города, причем 95 % из них являлись постоянными жителями Бреста. Остальные прибыли из Польши, России, Украины, других городов Белоруссии. Адресные данные говорят о том, что основная масса еврейского населения Бреста размещалась компактно в центре города — более 70 % всех евреев проживали на улицах Батория, Госпитальной, Долгой, Домбровского, Кобринской, Костюшко, Листовского, Перацкого, Собесского и Ягеллонской.

Особый интерес представляют фотографии брестских евреев, представленные в протоколах паспортизации. Большая часть снимков сделана в 1930-е гг., когда г. Брест входил в состав польского государства. Фотографии этого периода, как правило, отличаются хорошим качеством. Другая часть фотографий относится к советскому периоду 1939–1941 гг., причем некоторые снимки сняты с документов советского образца, о чем свидетельствуют фрагменты штампов, размещенные в уголках фотографий. Третью группу фотографий составляют снимки периода оккупации. Как правило, люди на снимках, сделанных в конце 1941 г., сфотографированы в верхней одежде, в ряде случаев на груди у снимавшихся четко видна круглая лата, которую должны были носить евреи с 14 лет. Характерно, что выражения лиц у людей на довоенных снимках иные,

чем у людей, сфотографированных в период немецкой оккупации. Фотографии конца 1941 г. запечатлели напряженность и безысходность в лицах узников брестского гетто.

Работа с протоколами паспортизации еврейского населения Бреста продолжается. Но уже ясно, что репрезентативность этого многопланового источника позволяет использовать полученные результаты исследования для изучения социально-экономической ситуации не только в брестском, но и в других белорусских гетто, вероятно их частичная экстраполяция на Украину, Россию и Польшу.

Одним из основных направлений социально-экономической политики немецко-фашистских оккупационных властей в отношении еврейского населения Белоруссии являлась эксплуатация трудовых ресурсов посредством организации принудительных работ и максимально эффективного использования квалифицированной еврейской рабочей силы в производстве. Поэтому протоколы паспортизации еврейского населения Бреста помогают лучше представить состав трудовых ресурсов города, их экономический потенциал и направления использования узников брестского гетто. Интенсивная эксплуатация труда еврейского населения являлась важнейшим аспектом политики оккупационных властей в сфере использования трудовых ресурсов, обеспечения жизнедеятельности городов и работы предприятий, выполнявших заказы вермахта.

Первый этап этой политики характеризуется стремлением использовать имевшуюся социальную и профессиональную структуру еврейского населения для восстановления экономического потенциала городов (открытие еврейских ремесленных мастерских и предприятий сферы обслуживания). Учет трудовых ресурсов оккупационными властями в ходе паспортизации ориентировал на более полное использование квалифицированной рабочей силы.

На втором этапе главный упор делался на создание государственных предприятий и артелей, где применялась еврейская рабочая сила (в Бресте была создана 31 артель, в Гродно — 19, в Белостоке — 20 предприятий, в западных областях округа «Белоруссия» — 33 предприятия, на которых были заняты в общей сложности более 3 000 евреев). Важнейшим направлением использования еврейской рабочей силы было привлечение евреев к принудительному труду, что давало возможность практического применения неквалифицированной рабочей силы, а также женского и детского труда (на ремонтно-восстановительных, дорожно-строительных, сельскохозяйственных работах, а также уборке улиц). Прослеживается тенденция постоянного увеличения численности занятых в производстве и на принудительных работах евреев. Так, в г. Бресте с января по июнь 1942 г. количество работающих евреев увеличилось с 4 956 человек (29,1 % всех жителей гетто) до 7 994 человек (45,1 %).

Протоколы паспортизации еврейского населения г. Бреста как статистический источник могут быть использованы также для получения данных о составе еврейских семей и миграции еврейского населения. Кроме того, материалы

паспортизации дают уникальную возможность поиска персональных данных о жителях г. Бреста периода немецко-фашистской оккупации 1941 г.

Альтман И. А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М.: Фонд «Ковчег», 2002. ГАБО. Ф. 201 (Брестское городское управление). Оп. 1. Д. 21, 41–62, 132–157, 160–286, 288–230, 440–445, 467.

Кутовецкий М. Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Еврейского ун-та в Москве. 1995. № 2 (9). С. 138–152.

Розенблат Е. С., Еленская И. Э. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX в. // Диаспоры. 2002. № 4. С. 27–53.

Altshuler M. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. Jerusalem: Ahva Press, 1998.

Eberhardt P. Przemiany narodowościowe na Białorusi. Warszawa: Editions Spotkania, 1994.

Hilberg R. The Destruction of the European Jews. Rev. and definitive ed. New York; London: Holmes and Meier, 1985.

Nove A., Newth J. A. The Jewish Population: Demographic Trends and Occupational Patterns // The Jews in Soviet Russia Since 1917 / ed. by L. Kochan. London: Oxford Univ. Press, for the Institute of Jewish Affairs, 1970. P. 142.

Статья поступила в редакцию 26.05.2016 г.

Розенблат Евгений Семенович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории
Брестский государственный университет
им. А. С. Пушкина
224016, Республика Беларусь, Брест, б-р
Космонавтов, 21
E-mail: rozen-j@list.ru

Rozenblat, Evgeny Semenovich

PhD (History), Associate Professor
Chair of General History
Brest State University
named after A.S. Pushkin
21, Kosmonavtov Boulevard, 224016 Brest,
Republic of Belarus
E-mail: rozen-j@list.ru

JEWISH POPULATION PASSPORT ISSUE PROTOCOLS AS A STATISTICAL SOURCE FOR THE HISTORY OF THE BREST GHETTO

The article describes the meaning of the use of mass sources of the Nazi occupation period to obtain data on the socio-demographic structure of the Jewish population of the city of Brest on the eve of the Great Patriotic War and in the times of the Brest Ghetto. Such a source of statistical data on the history of the Holocaust is fairly rare, since the Ghetto documentation has not survived in the archives of the former Soviet republics. The article focuses on passport issue protocols for the Jewish population dating from the end of the 1941. Quantitative methods used to process the information contained in the documents, taken on the basis of random sampling, enable the author to obtain representative results on the occupational structure of the Jewish population, its gender and age composition, the correlation between the skilled and unskilled

workers among the Jews of Brest, the cultural and linguistic status of the Jewish population, as well as the settlement on the territory of the city. The materials of the article are the result of the analysis of 12,000 passport issue protocols and 5,000 entries on the children of the Ghetto. The passport issue protocols for the dwellers of the Brest Ghetto add to the materials available on the Jewish demography of Western Belarus of the first quarter of the 20th century.

К e y w o r d s: mass source; passport issue protocol; statistics; random sampling; quantitative methods; representativeness; demographics; professional structure; cultural and linguistic orientation; age and gender; ghetto.

Altman, I. A. (2002). *Zhertvy nenavisti. Kholokost v SSSR, 1941–1945 gg.* [Victims of Hate. The Holocaust in the USSR, 1941–1945]. Moscow: Fond «Kovcheg». (In Russian)

Altshuler, M. (1998). *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile.* Jerusalem: Ahva Press.

Eberhardt, P. (1994). *Przemiany narodowościowe na Białorusi* [Demographic Changes in Belarus]. Warszawa: Editions Spotkania. (In Polish)

Hilberg, R. (1985). *The Destruction of the European Jews* (Revised and definitive ed.). New York; London: Holmes and Meier.

Kupovetskij, M. (1995). Liudskie poteri evreiskogo naseleniia v poslevoennykh granitsakh SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Losses among Jewish Population within Postwar Borders of the USSR in the Great Patriotic War]. *Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve*, 2 (9), 138–152. (In Russian)

Nove, A., & Newth, J. A. (1970). The Jewish Population: Demographic Trends and Occupational Patterns. In L. Kochan (Ed.), *The Jews in Soviet Russia since 1917* (p. 142). London: Oxford University Press, for the Institute of Jewish Affairs.

Rozenblat, E. S., & Elenskaia, I. E. (2002). Dinamika chislennosti i rasseleniia belorusskikh evreev v XX v. [Changes in the Numbers and Settlement of Belarusian Jews in the 20th Century]. *Diaspory*, 4, 27–53. (In Russian)

Received 26 May 2016